

Вместо предисловия

В свое время было принято разумное решение, дабы экономить на многочисленных юбилеях, которые плодились с угрожающей скоростью, считать памятными датами 25, 50, 75, 100 лет со дня события.

26 апреля 2011 года как раз и наступает 25-я годовщина нашей трагедии.

В связи с тем, что проблематичность отметить очередную дату для автора очевидна, переиздается книга «Завтра был Чернобыль», которая была издана в 1990 году общим тиражом под 80 тысяч экземпляров и переведена на английский, французский, немецкий языки и получила определенное признание.

Книга и по сей день остается ответственным и достоверным изложением событий активным участником ликвидации аварии непосредственно с места происходящего. По существу, это достаточно редкий и своеобразный взгляд изнутри.

И все же, мне кажется недостаточным просто переиздать книгу, написанную более двадцати лет назад, хотя я и оказался, в принципе, точным и правым, когда утверждал, что причиной аварии была ненадежная конструкция реактора, а не мифические ошибки персонала и, почти мистическое, «крайне маловероятное стечение обстоятельств». К этому же выводу пришли и наши добросовестные специалисты, как академик В. Легасов, претерпевший массу неприятностей за свою принципиальность, почти все зарубежные специалисты и, более того, такое же мнение было озвучено и на заседании Политбюро ЦК КПСС от 3 июля 1986 года.

Вот что сказали Горбачев: *«В промышленность был передан недоработанный реактор».*

Рыжков - Председатель Совета Министров СССР: *«Мы к аварии шли. Если бы авария не произошла сейчас, она при сложившемся положении могла бы произойти в любое время».*

Майорец - Министр энергетики Союза: *«РБМК и после доработки не будет соответствовать всем нашим требованиям».*

И чтобы окончательно расставить все точки над несчастным реактором, слова академика А.П. Александрова: *«Свойство разгона реактора есть ошибка*

Научного руководителя и Главного конструктора РБМК...Прошу освободить меня от обязанностей президента Академии наук и дать мне возможность исправить свою ошибку, связанную с недостатком этого реактора».

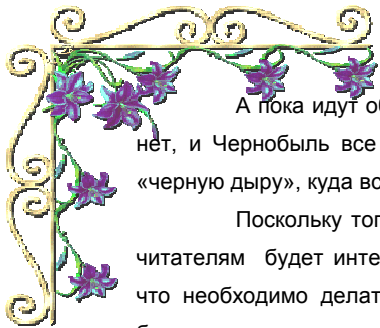
В настоящее время эти документы полностью рассекречены и доступны для чтения.

Цель публикации книги и в то время и сейчас, состоит в том, чтобы впервые сказать правду об истинных причинах аварии и защитить оперативный персонал от незаслуженных обвинений. Привлечь внимание широкого круга общественности к проблемам Чернобыля в конструктивном аспекте и постараться принять участие в формировании общественного мнения по перспективным направлениям необходимых решений.

По большому счету ничего радикального за прошедшие 25 лет не произошло. Тема «саркофага», кроме умелой мумификации значительных денежных средств, остается, как ей и положено, бессмертной. Имея уникальную возможность использовать чернобыльскую площадку в мирных целях, мы ничего конструктивного не реализовали. Сколько серьезнейших научных исследований в медицинской сфере, генетической, сельскохозяйственной, энергетической и прочих областях, имея реальный радиоактивный полигон, можно с успехом провести! Сколько международных семинаров, симпозиумов, конференций под славным флагом Чернобыля можно организовать! Уже не говоря о практически готовых тренажерах и симуляторах для операторов АЭС с использованием для тренировки основного оборудования и действующих приборов и щитов управления остановленных блоков. И все операции производятся в режиме реального времени и, отнюдь, не виртуально.

Во всем мире не найдешь оператора, который не посчитал бы за честь стать обладателем сертификата с чернобыльским логотипом!

При системном и грамотном использовании чернобыльского комплекса можно зарабатывать такие деньги, что фараоны от зависти будут ворочаться в своих саркофагах.

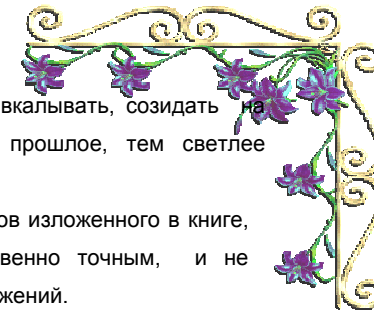
А пока идут обещания, разговоры и прожекты. Реального дела нет, и Чернобыль все больше и больше напоминает всем известную «черную дыру», куда все, что попадает, пропадает навсегда.

Поскольку тогдашнее завтра это нынешнее сегодня, надеюсь, читателям будет интересно самим понять, что же происходит сейчас, что необходимо делать, чтобы подобные трагедии не повторились в будущем.

Автор, безусловно, признает примат общественного мнения при решении любых государственных вопросов, ибо специалисты просто обязаны квалифицировано исполнять то, чего желает народ, а не наоборот. Естественно, необходимо стараться грамотно и объективно сформировать это самое общественное мнение, и, никогда и не под какими благими намерениями, насильно ничего не навязывать людям. Народ никогда не ошибается, он просто интуитивно чувствует и понимает, что ему и его детям на пользу, а что во вред. И наоборот, узкие специалисты, даже самой высокой квалификации, грубо ошибаются при решении глобальных вопросов. Поэтому, проведение общенационального референдума по стратегии развития атомной энергетики, представляется единственным безошибочным направлением для решения этого архиважного вопроса.

Все бездоказательные утверждения об отсутствии альтернативы атомной энергетике носят исключительно лоббистский характер, в лучшем случае.

Автор, с современных позиций при чтении книги первого издания, с огорчением сознает определенную наивность, неоправданные отступления, излишние патетику, романтику и просто красоты при изложении событий. Приходится признать, что мое мировосприятие в то время было именно таким. Теперь же все эти сантименты испарились под яростным поруганием прошлого и ненавистью к соседям, которые приходится слышать и наблюдать весьма часто и долго. Некоторые искренне уверены, что ненависть к другим, автоматически перерождается в пламенную любовь к Украине и ничего не хотят или не умеют реального сделать для процветания страны. Увы, ненависть в принципе деструктивное чувство и ничего, кроме ненависти породить не может. Митингами, протестами, лозунгами, прорывами и майданами народ не удовлетворишь, и страну к процветанию не направишь.

Работать надо, если хотите, реально вкалывать, созидать на благо державы. А практику, чем чернее прошлое, тем светлее будущее, мы уже проходили.

Что касается чисто технических аспектов изложенного в книге, то автор считает все написанное ответственно точным, и не отступает ни на йоту от принципиальных положений.

По совету В.А. Масола в книгу добавлены беседы, размышления и воспоминания по поводу Чернобыля и не только некоторых весьма интересных собеседников. Беседы проводились в одном ключе, но в разных местах и, естественно, носили доброжелательный характер. Автор бесконечно благодарен всем собеседникам за доброе согласие на публикацию мною их мыслей и суждений. В. Масол, Б.Патон, А. Мороз, В. Гайдук, И. Плачков, Ю. Недашковский своими оригинальными трактовками, интересными мыслями, конкретностью формулировок и глубоким профессионализмом придали книге абсолютно неповторимый колорит и значимость.

Читателю дано судить об их ценности и соответствии собственным идеям и распространенным мнениям.

* * *

Сейчас мне уже ясно, что первым членом правительства Украины, получившим информацию о Чернобыле, в силу своего служебного положения, был министр энергетики.

После сообщения об аварии от диспетчера Украины немедленно было сообщено Председателю Совета Министров Украины т. Ляшко А.П.

- Александр Павлович, несколько минут назад на четвертом блоке ЧАЭС был взрыв и возник пожар. Подробности доложу позже.

Было 1 час 25 минут 26 апреля 1986г.

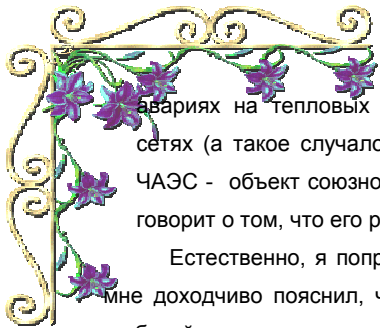
- Вы думаете это серьезная авария?

- Боюсь, что очень.

- Доложите т. Щербицкому.

Чтобы понять мои мысли в этот момент я позволю себе процитировать слова Александра Павловича из его трилогии «На ступенях власти».

Дословно: «Наш Министр - Виталий Федорович Скляр, которого я глубоко уважал за широту знаний и опыт, оперативность в руководстве работами при

авариях на тепловых электростанциях, в энергетических и тепловых сетях (а такое случалось), на этот раз ничего прояснить мне не смог. ЧАЭС - объект союзного подчинения» (стр.344). Страницей ранее А.П. говорит о том, что его разбудил Рыжков в 2-40.

Естественно, я попробовал связаться с т. Щербицким, но дежурный мне доходчиво пояснил, что ему точно известно, кто может звонить В.В. глубокой ночью и меня в перечне допущенных к этому действию, нет. Говорить в такой ситуации что-либо не было никакого смысла, и я положил трубку сотки. Доложил А.П. и думаю, что он сам перезвонил Первому. Через некоторое время я услышал сонный, но спокойный голос В.В.

- *Что у вас произошло, что за авария?*

У меня к этому времени уже сложилось твердое мнение о происшедшем, ибо мне удалось переговорить непосредственно с начальником ПТО станции, который находился в убежище Г.О.

Изо всех сил стараясь сдерживать эмоции, я доложил, что мне известно.

- *Вы ответственно полагаете, что это так серьезно?*

- *Авария на Три-Майл-Айленд в Америке - детская игра на зеленой лужайке! - не сдержался я.*

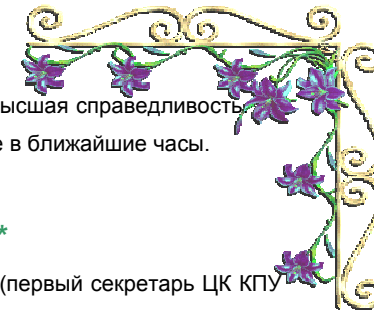
- *Если это так, вам надо туда отправляться, тщательно анализировать ситуацию и информировать ЦК и Правительство для принятия необходимых решений.*

- *Владимир Васильевич, ЧАЭС станция союзного подчинения. Москва непосредственно руководит ею, - довольно вяло и неуверенно сообщил я первому, как будто он сам этого не знал.*

Мне в этот момент очень не хотелось туда ехать, так как я уже достаточно хорошо представлял и опасности и последствия. А лавры А. Матросова, которого я безмерно уважаю и сейчас, закрывающего грудью даже не радиоактивную амбразуру, были мне и не по летам, и не по чину.

Но следующие слова т. Щербицкого все, навсегда и точно расставили по своим местам.

- *Станция может быть и московская, но люди и земля - то украинские!*

Так раз и навсегда восторжествовала высшая справедливость. Как он был прав, мне пришлось убедиться уже в ближайшие часы.

Один интересный эпизод В.А Ивашко, (первый секретарь ЦК КПУ в 1990г.), «попросил» меня убрать. Вот он.

«Во время заседания комиссии в помещении припятского горкома КПУ 26 апреля около 23 часов раздался звонок ВЧ - это единственное средство связи с внешним миром с высокой степенью защиты от прослушивания, которое нам оставило КГБ, и было сказано, что с тов. Щербиной Б.Е. будет говорить генсек, то бишь Горбачев. Все немедленно встали и начали покидать кабинет. Простым смертным не положено слышать столь высокие разговоры. Вместе со всеми удалялся и я. Но Б.Е. довольно бесцеремонно остановил меня, типа: « А вы куда? Слушайте, что я буду говорить, и потом доложите своему правительству в том же ключе».

Я не успел возразить, как начался разговор. Суть его сводилась к тому, что местные власти растерялись, паникуют, ведут вредные разговоры, останавливают станцию, вместо того, чтобы мобилизовать коллектив все как один в едином порыве, ну и т. д. Короче говоря, наведем порядок, примем необходимые меры и заверяем Вас.

После окончания разговора в кабинете повисла гнетущая тишина.

- *Все понятно или повторить?,-* не отводя от меня взгляда, сквозь зубы с угрозой процедил Б.Е. Он был очень волевым человеком и никаких глупостей не терпел.

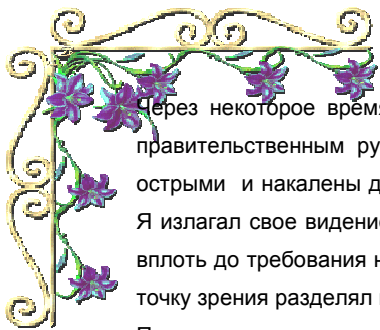
Мне стоило многих усилий сказать «Нет».

- *Я так и думал. Вы не согласны с оценкой действий местных властей. Так? -* Уже спокойнее и с полуулыбкой заметил Б.Е.

- *Нет. Я не согласен с общей оценкой обстановки.*

Я уже обрел дар речи и мог аргументировано возражать. Но этого не потребовалось.

- *Вас об этом не спрашивают, и лучше занимайтесь своими делами, которые из рук вон плохи.*

Через некоторое время состоялись разговоры по ВЧ с партийным и правительственным руководством республики. Разговоры были очень острыми и накалены до предела. Б.Е. гнул свое и довольно напористо. Я излагал свое видение ситуации, чем вызвал откровенную ярость Б.Е. вплоть до требования немедленно меня отозвать с места событий. Мою точку зрения разделял и И.С. Плющ, который как мог меня поддерживал. Постепенно все стали успокаиваться и начали искать консенсус, как модно тогда было говорить».

* * *

Естественно, все это печатать в то время было никак нельзя, ибо «могло быть неправильно истолковано», как мне тогда разъяснили.

Позже я узнал, что мудрый А.П. Ляшко ко времени нашего разговора уже распорядился о концентрации 1200 автобусов в районе Припяти в рамках учения ГО и «на всякий случай», как он пишет в своей книге. Утром этот случай представился, и началась довольно организованная эвакуация 30 000 населения города Припяти, который через несколько часов обезлюдил навсегда.

* * *

Опять же из трилогии:

«Услышав голос министра, я про себя сразу решил: от этого человека получу наиболее объективную информацию». Далее излагается мой доклад.

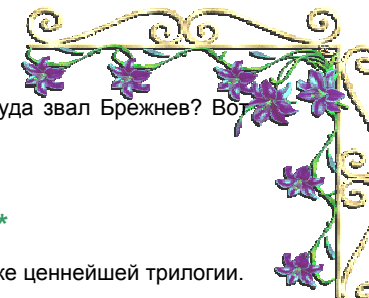
«Вот оно что, мелькнула у меня мысль, значит авария весьма и весьма серьезная».

«Из этого разговора я понял, что можно ожидать худшего, если оно уже не наступило. Тревога нарастала, своему министру я верил как никому другому».

«А теперь остается лишь добавить, что первые конкретные данные об уровнях радиации я получил только от В.Ф. Склярова из Припяти...»

Такая высокая оценка о многом говорит и много мне стоит.

Хочется верить, что определенная польза от моих страданий была, и подчеркнуть, как далеко видело наше руководство, приняв решение об эвакуации населения в порядке учений ГО, и как прав был т. Щербицкий. И почему он не

поехал работать в Москву, когда его туда звал Брежнев? Вот вам и история в сослагательном наклонении.

* * *

Далее в порядке рекламы книги из той же ценнейшей трилогии. «С большим интересом я прочитал книгу своего министра и хочу рекомендовать ее каждому, кто интересуется событиями того времени, а также его раздумьями и выводами (как профессионала) о судьбах энергетики будущего, в частности атомной. Они заслуживают большого внимания, хотя и не бесспорны в отдельных аспектах» (книга третья стр. 352, 353).

* * *

Беседа.

В. А. Масол.

Виталий Андреевич, выдающийся и всеми уважаемый государственный деятель с безупречной репутацией. Он прошел на своем жизненном пути все ступеньки и испытания, позволившие ему дважды успешно возглавлять правительство Украины. Человек огромных практических знаний, в совершенстве владеющий громадными объемами информации без компьютера, отличный аналитик и прогнозист.

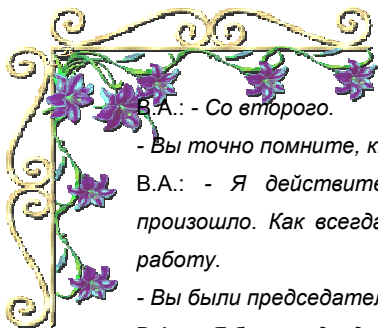
Беседа проходит в его супер скромном деревянном домике в Конча-Заспе.
- *Сегодня 16 декабря 2010 года. Время 17-45. Правильно?*

В.А.: - *Правильно.*

- *Я беседую сейчас с Виталием Андреевичем Масолом, выдающимся государственным деятелем, который возглавлял планово-бюджетную комиссию Верховного Совета СССР, единственный человек из Украины, был председателем Госплана Украины, дважды премьер-министром Украины, причем в такое время, что не приведи Господь.*

В.А.: - *При Советской власти и в независимой Украине.*

- *И не при Советской власти. Вы знаете, что тогда признавались как юбилейные годы 25, 50, 75. Приближается 25 годовщина чернобыльской трагедии. Я знаю, что Вы там непосредственно участвовали со второго или первого мая.*

В.А.: - Со второго.

- Вы точно помните, кто и когда вам сказал о чернобыльской аварии?

В.А.: - Я действительно помню довольно точно, как все это произошло. Как всегда в субботу рано утром я пешечком пошел на работу.

- Вы были председателем Госплана.

В.А.: - Я был председателем Госплана.

- Председатель Госплана это же зампред Совмина?

- В.А.: - Да, зампред. И в это время я всегда рассматривал довольно сложные дела, а иногда и нет. Я направился к центральному входу в Совет Министров. Открывается дверь и навстречу выходит Гуренко Станислав Иванович, который в то время был зампред Совета министров по научно-техническому прогрессу. Эту должность пробил Щербицкий, и она специально вводилась для этих целей. Он вышел и говорит: «Виталий Андреевич, ты слышал новость?».

В.А.: - Какую? Нет.

С.И. - На Чернобыльской станции пожар.

В.А.: - У меня как у бывшего директора завода, Вы знаете, крупного завода....

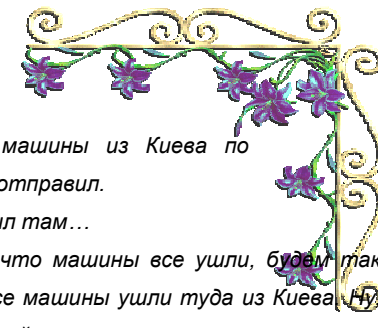
- Да. В 34 года Вы стали директором НКМЗ. Этот завод продавал же оборудование Франции?

В.А.: - Да, пресс продал отсталой Франции усилием 65000 тонн, который единственный в мире.

- Шагающие экскаваторы Вы делали и пусковые установки для ракет.

В.А.: - Да. Мы много чего делали. Продали, пресс этот пущен. Знаю, что наш слесарь-наладчик там отличился. Снял часы у французского министра, положил под пресс, придавил их, министр побледнел, а часы работают.

В.А.: - Прихожу я на работу около 9, в субботу и в воскресенье. Какая моя реакция? Первая реакция, учитывая, что у меня на заводе был цех, который производил закалку валов длиной в 35 метров в вертикальной электрической печи, рядом стоял мастер, который следил и бак с маслом, в котором производилась закалка, у меня всегда дежурили три пожарные машины. Я их специально присылал... Когда закалка, они приезжали и стояли в боевой готовности. Как масло вспыхивало, они его тут же тушили. Ну, естественно, моя реакция директора завода... Я говорю: «А машины ты все туда послал?»

Сколько там машин?» Я, говорит, все машины из Киева по тушению пожаров, значит к Чернобыльской отправил.

- А как он мог их отправить? Он что, дежурил там...

В.А.: - Ну, я не знаю... Так он сказал мне, что машины все ушли, будем так говорить... Не он отправил бы... Точнее, все машины ушли туда из Киева. Ну, естественно, я, как директор завода, спокойно воспринял это, потому что другого я пока не вижу, причину пожара я не знаю... Я спокойно пошел к себе, поднялся, на пятый этаж и приступил к работе... А потом уже позже, к вечеру, мне сказали, что первые пожарники черные, обгоревшие, получившие огромные дозы радиации, эвакуированы самолетами в Москву, и что на Чернобыльской станции произошла авария...

- А кто сказал, не помните?

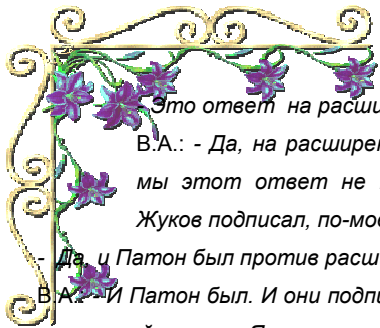
В.А.: - Я уже не помню. Там пошли разговоры, всё, это была уже целая цепочка, по которой трудно вспомнить, кто.

- То есть, это неофициально было, да?

В.А.: - Неофициально. Это всё было неофициально, это всё было как бы на ушко друг другу шептали... Потом все сказали, что Горбачев запретил говорить об этом, и нигде не возникать, и тому подобное... И поехал туда Николаев, поехал туда Щербина, и уже я знал это дело... Оно ведь для меня представляло определенный интерес, ибо, когда был партийный съезд, он был в марте, по моему... Надо уточнить дату...

- Это 27-й, да?

В.А.: - Да, март или февраль 86-го года, и мы на этом съезде... Я подошел к Щербине, Александрову, я подошел к этому... к Сидоренко, и кто-то еще стоял, не помню... Но их точно я помню. Я им говорю, что, возможно, авария на Чернобыльской атомной станции. Мы, вот, написали Вам там письмо и там сказали... И мне Щербина отвечает: «Что Вы там расписали? Мы Вам ответили ответ, что мы гарантируем безопасную работу атомной станции». Ну, это был разговор, я же говорю, на съезде... Александров и все... остальным так. А я почему знаю, потому что мы с Александром Павловичем Ляшко очень часто обсуждали этот вопрос: писать ответ положительный или не писать? И мы не писали. А...

Это ответ на расширение ЧАЭС, да?

В.А.: - Да, на расширение. Вот об этом была тема этих вопросов. И мы этот ответ не подписывали. А подписали, наоборот, через... Жуков подписал, по-моему...

- Да, и Патон был против расширения ЧАЭС тоже.

В.А.: - И Патон был. И они подписали отрицательный отзыв, и вдруг я получаю вот такой ответ. Я, конечно, возмущился, ну я не помню, конечно, что я там говорил, но я возмущался, потому что говорил, что там ничего нет. Он говорил: «Да ничего, мы Вам дадим тракторный завод, автомобильный завод, там такие мощности...» Ну я говорю: «Выше Киева нельзя наращивать мощности, там у нас главный водоисточник...» А они «И ничего-ничего, мы гарантируем Вам безопасность работы этой станции». Вот такой был разговор, который прошел у меня на съезде партии, в зале Верховного Совета в Кремлевском дворце. Вот с этими людьми... Кто был еще... был кто-то, но я не помню, кто был.

- Виталий Андреевич, хорошо... Вы узнали об этой аварии... А когда официально Вам сказали, что Вам надо ехать туда? И что Вам сказали при этом?

В.А.: - Мне сказали официально после демонстрации 2 мая, 1 мая.

- 1 мая... Кто?

В.А.: - Мы уже сидели за столом... дома, на даче. Выпили по парочке рюмочек, и вдруг раздается звонок в сотке. Подхожу, никто не подойдет, кроме меня. Я подхожу к этому телефону, снимаю трубку. Звонит Александр Павлович Ляшко и говорит: «Виталий Андреевич, тебе завтра ехать в Чернобыль. Ты в составе комиссии. Утром вставай рано, в аэропорту будешь встречать Силаева, а мы будем встречать Лигачева и Рыжкова».

- Они в это время тоже ехали?

В.А.: - Да-да-да.

- И Лигачев и Рыжков?

В.А.: - Да-да-да. Ну, естественно, как говорят, я ничего не мог сказать. Я задал один-единственный вопрос, такой, может быть, наивный, может быть, даже глупый: А почему я? Я председатель Госплана, я никакого отношения, не имею к ЧАЭС.

- Это интуитивный вопрос, не глупый. (смеется)

В.А.: - Ну, может быть, интуитивный. Это Вы меня рекомендовали? Он говорит: «Нет, но я узнаю». Он честно, добросовестно, часа через два позвонил мне и сказал: «Нет, Владимир Васильевич тебя не рекомендовал». Но насколько я его понял, «тебя рекомендовал Рыжков Николай Иванович». Ну, я потом уже понял, почему он меня рекомендовал. Потому что я был тоже директором завода. Он знал, мою работу. Он знал, что такое завод, у которого, как говорят, площадь 10 площадей вашей Припяти... Завод, да, и станция... И вот я получил тогда прямую команду, ехать в Чернобыль работать.

- Понятно. Значит, Вы 2-го Мая приехали?

В.А.: - 2-го приехал...

- И что Вы первое увидели?

В.А.: - Я впервые приехал к Припяти, и ничего не увидел. Увидел только растерянность у кое-кого из генералов. Я увидел растерянность среди части населения. Я увидел тех, которые работали, трудились, говорят, со всей отдачей.

- А станцию Вы посмотрели же?

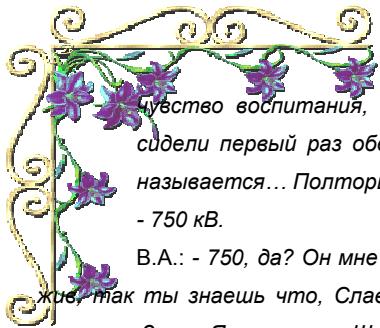
В.А.: - Нет, я не смотрел.

- Это очень умно (смеется).

В.А.: - Я не смотрел... Я станцию смотрел, по-моему, 6-го или 7-го числа. Попросил вертолет и прилетел с летчиками на станцию. И посмотрел, что эта станция представляет какой-то маленький костер в лесу. Вот это мое первое впечатление было от этой станции...

- То есть, у Вас потрясения не было никакого, да?

В.А.: - Никакого не было потрясения... Ты знаешь, я звонил жене, она плакала, она плакала на третий день, на четвертый, и она плакала, что ты не звонил, и так далее... Я понимал, что мне другого выхода нет: либо я буду работать и трудиться и буду спасать страну от этой аварии, которая на нас обрушилась, либо не будет страны, не будет меня, не будет никого, и будут все опозорены. Поэтому чувство, да, патриотизма, что ли, чувство ответственности,

чувство воспитания, чувство боли за Украину, за Киев. Когда мы сидели первый раз обедали на этой подстанции, я не знаю, как она называется... Полторы тысячи, да?

- 750 кВт.

В.А.: - 750, да? Он мне говорит: «Виталий, если ты хочешь остаться жить, так ты знаешь что, Славский каждый день пьет по стакану водки». Я говорю: «Знаю. Я знаю, что Щербина тоже выпивает утром». «Вот и я тебе советую пить, если ты хочешь, чтобы немножко была меньше радиация. Пей. На первом месте спирт, на втором — водка, а на третьем — коньяк, на четвертом — вино».

- Так Вы встречали там вот этих деятелей, Рыжкова... да?

В.А.: - Да, да.

- Они приехали на машине?

В.А.: - Они были с руководством. Я...

- А на машине они приехали?

В.А.: - На машине. Все приехали...

- На «Чайках», да?

В.А.: - На «Чайках». Все приехали на машине, потом эти машины списали...

- С каким руководством? Кто там из руководства? Вы там, Силаев, я понимаю, а еще кто там?

В.А.: - Ну Щербина же не уехал.

- Не уехал.

В.А.: - Он был, был, был Майорец...какие то генералы.

- Серьезные люди...

В.А.: - Да, черт их знает...

- Вы с ними тоже общались?

В.А.: - Ну, мы сидели, я их никого не знал... Я ведь человек новый, вообще... Я знал: Щербицкий, Лигачев и Рыжков...

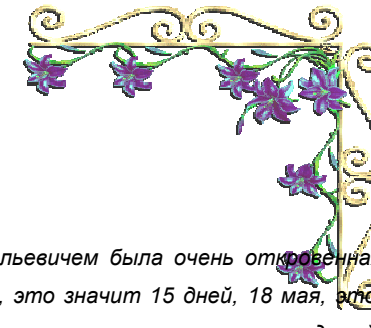
- И Щербицкий был с ними, да?

В.А.: - Да.

- Щербицкий 2 мая уже был там, да?

В.А.: - Был. Да. И они там все, это самое...

- О чем они говорили, Вы слышали?

В.А.: - Нет.

- Нет? А почему?

В.А.: - Я не присутствовал при этом.

- Засекречивались, да? (смеется)

В.А.: - Нет, ... У меня с Владимиром Васильевичем была очень откровенная беседа, и когда я приехал после Чернобыля, это значит 15 дней, 18 мая, это, по-моему, была суббота. Я приехал. Я отоспался, звонили мне домой, Щербицкий. Жена сказала, что он спит. Он ей сказал: «Пусть он выспится, потом мне позвонит». Я потом позвонил, и потом два часа рассказывал. В принципе то, что я имел информацию, я не атомщик, и в атомной энергетике я поскольку-постольку разбираюсь, да. Вот то, что я получил от Легасова, то что я получил от Сидоренко, а от остальных я ничего не получил... Что эта беда на сотни лет, потому что там...

- Период полураспада...

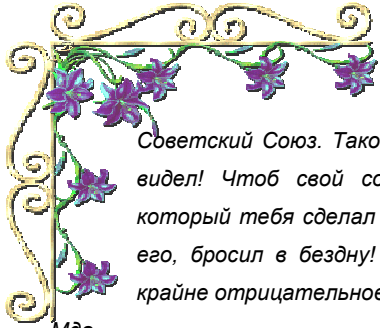
В.А.: - Плутония, да? Вот...

- И стронция тоже... - А всё-таки, Вы там с Щербицким не разговаривали, да? В Чернобыле 2-го мая?

В.А.: - Ну, разговор, какой-то там был... Ну, говорил, перебросился: здравств, здравств... Вот видите, такое горе, и так далее.

- Ваше отношение к Горбачеву я уже понял, и поэтому дальше развивать вопрос не буду.

В.А.: - Я могу его тебе немножко дальше развить. Я с Горбачевым встречался больше десяти раз. Я ничего не говорил и нигде не писал. Но все те, кто писали книжку, почему-то вспоминали меня и вспоминали мои беседы с Горбачевым, вспоминали моё изложение видения экономики и говорили, в том числе председатель КГБ Советского Союза, председатель КГБ России, председатель КГБ Украины, который написал, ты сам читал, да?, что я однажды не выдержал и сказал Горбачеву, что он в этом (в экономике) не разбирается, ему нечего, как говорят, заниматься этим вопросом. Так я это дело и тебе могу подтвердить, что да, действительно, он многое наделал только тем, что он не разбирался в экономике. Он наделал тем, что он выборность руководителей, чтобы развалить страну. Он сказал свою, конечно, цель сейчас, что его цель была — развалить Коммунистическую партию и

Советский Союз. Такой сволочи, такого подлеца я никогда в мире не видел! Чтоб свой собственный народ, который тебя воспитал, который тебя сделал Генеральным Секретарем ЦК КПСС, и ты взял его, бросил в бездну! Не видел! И поэтому мое отношение к нему крайне отрицательное.

- Мда...

В.А.: - Другого отношения у меня к нему быть не может. Где бы я ни был, я всегда ему рассказывал о значении республик, о значении экономических связей, потом как развивается Украина, какой должен быть язык у каждого государства. Я ему приводил много примеров. Он говорил: «Пожалуйста, давайте будет на Украине украинский язык». А для того чтобы страна была единая, пусть будет русский язык. Мы же его можем в любой школе изучать. Да, да, — он соглашался, приезжал, рассказывал все мои вопросы на Политбюро, мне говорил потом это (вздыхает), да? Он всё доложил, и на этом всё и закончилось... Вот в чём его была беда. Я не знаю, что он получил: Нобелевскую премию за предательство? премию за мир?...

- Я же это всё напечатаю, имейте в виду.

В.А.: - А я не боюсь этого про Горбачева!

- Понятно. Но вернемся всё-таки к Чернобылю ближе.

В.А.: - Ближе к Чернобылю...

- Вы с Александровым встречались?

В.А.: - Встречался.

- Анатолий Петрович? Президент Академии наук?

В.А.: - Да.

- Ну и какое Ваше впечатление о нём?

В.А.: - Ну, ты знаешь, я тебе скажу, хотел бы другое иметь впечатление.

* * *

Злоключение.

Если Вы прочитали книгу, то Вам должны быть понятны и наши чувства, переживания, сомнения и, самое главное, боль тяжелейших и невозполнимых, утрат, когда теряли близких друзей, товарищей, здоровье и веру.

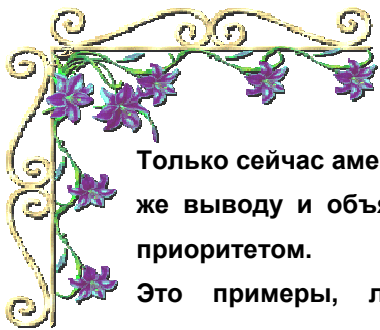
Прошло 25 лет и Вам судить, что и как изменилось с той поры. Что мы потеряли и, что приобрели. Одно несомненно, как и прежде, голос общественности никто не слышит, а голоса специалистов мало что значат для власть имущих. Другие времена, другие ценности.

В 1983 году в Украине, в Крыму была пущена первая солнечная электростанция мощностью 5МВт. Сейчас она полностью разворована.

В 1990 году на «Южмаше» начали разворачивать производство ветровых установок. Во всем мире они уже играют значительную роль в энергетическом балансе и только у нас это экзотика.

Во времена премьерства Ющенко ему на стол были положены все расчеты, подтверждающие эффективность и необходимость замены ламп накаливания на ресурсосберегающие. Сейчас Медведев считает эту работу своей задачей. У нас даже не говорят об этом.

Еще в 1990 году было заявлено, что устойчивые политические и энергетические системы могут в перспективе базироваться только на экологически безупречных источниках энергии.

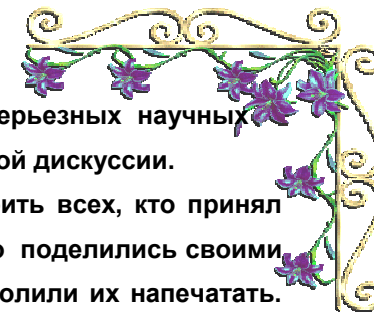

Только сейчас американский президент пришел к такому – же выводу и объявил эту концепцию государственным приоритетом.

Это примеры, лежащие на поверхности. Но есть принципиальные нерешенные вопросы. Такие, как стратегия развития энергетики страны на перспективу 10-20 лет, схема ее функционирования при совмещении государственной и частной собственности на генерацию и сети, национальная безопасность страны и надежность энергосистем, пути Евроинтеграции и адаптации нашей энергетики к требованиям ЕЭС и т. д.

В настоящее время возникла реальная угроза превращения Украины в импортера электроэнергии. Этому способствуют следующие факторы:

- Отсутствие вразумительной стратегии развития энергетики на перспективу от 5 лет и далее;
- Полный провал по модернизации генерирующих мощностей. Более того, 43 блока из 104 не проходили капитально ремонта вообще;
- Целенаправленное финансирование модернизации и строительства именно регулирующих мощностей, таких, как гидростанции, гидроаккумулирующие станции, трансформаторные подстанции;
- Подписание документов, обязующих Украину за пять лет привести вредные выбросы от тепловых ЭС в соответствие с требованиями европейского сообщества. Это абсолютно невозможно исполнить ни по финансированию, ни по объемам работ, которые необходимо выполнить.

Нет по этим проблемам ни серьезных научных разработок, ни широкой общественной дискуссии.

Мне очень хочется поблагодарить всех, кто принял участие в беседах со мной, любезно поделились своими воспоминаниями и мыслями и позволили их напечатать. Для меня многое оказалось новым, оригинальным, откровенным, резким и смелым. Мне было позволено вновь пережить те события и, как бы, помолодеть.

Не со всеми утверждениями, особенно, в некоторых деталях, я могу согласиться, но этого и не требуется. Мне очень импонирует грамотные и уверенные высказывания Президента «Энергоатома» Ю.А. Недашковского по вопросам обеспечения надежности АЭС, и особенно, что касается культуры надежности и безопасности. Но я никогда не смогу забыть еще более авторитетные утверждения о надежности АЭС, от, куда более знаменитых, заслуженных и ответственных лиц. И с этим ничего не поделаешь. Это не моя вина, а моя беда.

Я достаточно ясно понимаю, что у Чернобыльской катастрофы есть точное время ее начала и никогда не будет точного времени ее окончания. Есть и у ликвидации начало, но нет у ликвидации конца и, когда будут отмечать 50-летие чернобыльской катастрофы, может быть, вспомнят и нас. Тогда все уже станет абсолютно ясным для всех.